

Исследовательская статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-1-37-77-92>

Фактор глобального русского языка в международных отношениях: ресурс, вызовы и перспективы в полицентричном мире

Семед Абакаевич Семедов¹, Алсу Ровшановна Акберова²

^{1,2} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

¹ sa-semed@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3083-8977>

² akberova.a.r@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0008-5616-4852>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена фундаментальной трансформацией системы международных отношений в сторону полицентричности, где наряду с традиционными факторами силы возрастает роль коммуникативных и ценностных ресурсов. Русский язык, являясь одним из официальных языков ООН и сохраняя значительное коммуникативное пространство на постсоветской территории, оказался в эпицентре противоречивых процессов глобализации, регионализации и цифровизации,

что требует нового осмысления его стратегического потенциала и ограничений. Цель статьи заключается в проведении комплексного междисциплинарного анализа роли русского языка как фактора международных отношений для выявления его ресурсной базы, системных вызовов и вероятных траекторий развития в условиях становящегося полицентричного мирового порядка. Задачи исследования вытекают из поставленной цели и включают: 1) реконструкцию исторической эволюции международного статуса русского языка; 2) классификацию и характеристику его современных полифункциональных проявлений в различных сферах; 3) анализ геополитической и цивилизационной динамики, связанной с языком; 4) критическую оценку его эффективности в качестве ресурса «мягкой силы»; 5) выявление ключевых трендов и формулирование альтернативных сценариев его будущего. Исследование опирается на совокупность научных публикаций по социолингвистике и международным отношениям, официальные документы ООН, ЕАЭС, ШОС, статистические данные, результаты социологических опросов. Методологическую основу составляет системный подход, дополненный историко-генетическим и сравнительным методами, а также контент-анализом. В результате проведенного исследования установлена дуалистическая модель современного русского языка, который функционирует одновременно как инструмент интеграции и практической коммуникации на евразийском пространстве и как поле идеологического и информационного противоборства. Выявлены ключевые тренды, определяющие его развитие: устойчивая регионализация,

углубляющаяся диверсификация языковых предпочтений под влиянием глобальной конкуренции, фундаментальное воздействие цифровой трансформации и демографические вызовы. Таким образом устойчивость позиций русского языка обеспечивается его институциональным статусом, функциональной необходимостью в рамках евразийской интеграции и уникальным историко-культурным капиталом. Однако его долгосрочное будущее будет зависеть от общей социально-экономической и политической траектории России, её способности генерировать привлекательные для мирового сообщества смыслы и продукты. Наиболее реалистичным представляется сценарий сохранения за ним статуса одного из ведущих региональных языков мира без возврата к глобальному влиянию, характерному для предшествующей биполярной эпохи.

Ключевые слова: русский язык, международные отношения, мягкая сила, публичная дипломатия, языковая политика, межкультурная коммуникация, геополитика, глобализация, цифровизация, СНГ, ЕАЭС, дипломатическая практика, Русский мир, лингвистический ландшафт, языковая экология, информационная безопасность

Для цитирования: Семедов С. А., Акберова А. Р. Фактор глобального русского языка в международных отношениях: ресурс, вызовы и перспективы в полицентричном мире // Концепт: философия, религия, культура. — 2026. — Т. 10, № 1. — С. 77–92. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-1-37-77-92>

Research article

The Global Role of the Russian Language in International Relations: Resources, Challenges and Prospects in a Polycentric World

Semed A. Semedov¹, Alsu R. Akberova²

^{1,2} Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

¹ sa-semed@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3083-8977>

² akberova.a.@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0008-5616-4852>

Abstract. The relevance of the research is due to the fundamental transformation of the system of international relations towards polycentricity, where, along with traditional factors of power, the role of communicative and value resources is increasing. Russian, being one of the official languages of the United Nations and preserving a significant communicative space in the post-Soviet territory, has found itself at the epicenter of the contradictory processes of globalization, regionalization, and digitalization, thereby necessitating a new understanding of its strategic potential and limitations. The purpose of the article is to conduct a comprehensive interdisciplinary analysis of the role of the Russian language as a factor in international relations in order to identify its resource base, systemic challenges, and likely development trajectories in the emerging polycentric world order. The objectives of the study derive from the stated goal and include: 1) reconstruction of the historical evolution of the international status of the Russian language; 2) classification and characterization of its modern multifunctional manifestations in various fields; 3) analysis of the geopolitical and civilizational dynamics associated with the language; 4) a critical assessment of its effectiveness as a soft-power instrument; 5) identification of key trends and formulation of alternative scenarios for its future. The research is based on a set of scientific publications on sociolinguistics and international relations, official documents of the United Nations, the EAEU, the SCO, statistical data, and the results of sociological surveys. The methodological basis is a systematic approach supplemented by historical, genetic (diachronic), and comparative methods, as well as content analysis. The study demonstrates the dual nature of the modern Russian language

has been established. Russian functions simultaneously as an instrument of integration and practical communication in the Eurasian space and as a field of ideological and informational confrontation. The key trends determining its development have been identified: sustainable regionalization, deepening diversification of language preferences under the influence of global competition, as well as the significant influence of digital transformation and demographic challenges. Thus, it is concluded that the stability of the Russian language's position is ensured by its institutional status, functional necessity within the framework of Eurasian integration, and unique historical and cultural capital. However, its long-term future will depend on Russia's overall socio-economic and political trajectory, and its ability to generate meanings and products that are attractive to the international community. The most realistic scenario seems to be that it will retain the status of one of the world's leading regional languages without returning to the global influence characteristic of the bipolar era.

Keywords: Russian language, international relations, soft power, public diplomacy, language policy, intercultural communication, geopolitics, globalization, digitalization, CIS, EAEU, diplomatic practice, Russian world, linguistic landscape, linguistic ecology, information security

For citation: Semedov, S. A., Akberova, A. R. (2026) 'The Global Role of the Russian Language in International Relations: Resources, Challenges and Prospects in a Polycentric World', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 10(1), pp. 77–92. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-1-37-77-92>

Введение

Современная парадигма международных отношений претерпевает фундаментальные изменения, характеризующиеся переходом от униполярности к сложной полицентричности, обострением глобальной конкуренции не только в военно-политической, но и в ценностно-цивилизационной плоскости, а также возрастанием роли нематериальных ресурсов влияния. В этом сложном конгломерате политических, экономических и культурных взаимодействий язык, будучи не только базовым средством коммуникации, но и фундаментальным носителем ценностей, коллективной идентичности, исторической памяти и мировоззренческих кодов, выступает значимым стратегическим активом. При этом его функция выходит далеко за рамки простого обмена информацией, простираясь в сферы формирования международной повестки дня, построения доверия, продвижения национальных интересов, консолидации союзнических отношений и ведения информационного противоборства.

Русский язык, в силу уникального сочетания исторических, демографических,

политических и культурных обстоятельств, занимает особое амбивалентное место в ряду мировых языков. Обладая формальным статусом одного из официальных языков ООН и ряда других авторитетных международных организаций и являясь языком межнационального общения для десятков миллионов людей на обширном евразийском пространстве и крупнейшим языком диаспор по всему миру, он представляет собой существенный, хотя и внутренне противоречивый, фактор международных процессов. Его изучение и использование невозможно рассматривать в отрыве от широкого геополитического, цивилизационного и социально-экономического контекста, который в последнее десятилетие характеризуется повышенной турбулентностью.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью глубокого и непредвзятого переосмысления роли и места русского языка в новой формирующейся архитектуре глобального управления и региональных подсистем. В частности, процессы деглобализации и параллельной регионализации, стремительная цифровая трансформация всех сфер общественных связей, а также обострение идеологического и информационного

противостояния создают принципиально новую среду для функционирования мировых языков. Русский язык оказывается в эпицентре этих трансформаций: с одной стороны, он сталкивается с объективным сокращением сфер влияния в Восточной Европе и уменьшением числа изучающих его в мире, с другой — демонстрирует поразительную устойчивость и жизнеспособность в Центральной Азии и получает новые импульсы развития в рамках углубляющейся евразийской экономической и гуманитарной интеграции. Кроме того, он становится полем ожесточённого информационно-психологического и символического противоборства, где сталкиваются нарративы интеграции и суверенизации, имперского наследия и национального возрождения.

В данной статье термин «глобальный русский язык» используется в значении «международный русский язык», то есть язык, функционирующий за пределами национальных границ в дипломатии, образовании, цифровой среде и диаспорах. Он не подразумевает тотального доминирования, аналогичного глобальному английскому, но отражает его трансконтинентальное присутствие и роль в полицентричной мировой системе.

Цель данной статьи — осуществить многоуровневый и всесторонний анализ роли глобального русского языка в международных отношениях, выявив его ресурсный потенциал, системные ограничения, латентные возможности и вероятные векторы развития в средне- и долгосрочной перспективе. Для достижения поставленной цели формулируются следующие взаимосвязанные исследовательские задачи:

1. Проследить историческую эволюцию статуса русского языка как международного, выделив ключевые вехи, детерминирующие факторы и периодизацию его распространения;

2. Детально классифицировать и охарактеризовать современные полифункциональные проявления русского языка в дипломатической, экономической, культурно-гуманитарной, научно-образовательной и информационно-цифровой сферах;

3. Проанализировать геополитическое измерение русского языка, в частности его роль в проекте «русского мира», его место и восприятие в отношениях России со странами ближнего и дальнего зарубежья, а также его значение как фактора региональной стабильности;

4. Дать критическую и сбалансированную оценку эффективности русского языка как ресурса «мягкой силы», выделив его конкурентные преимущества, структурные слабости, а также влияние внешнеполитического курса на его воспринимаемую привлекательность;

5. Выявить и охарактеризовать основные мегатренды, определяющие настоящее и будущее русского языка в глобальном контексте, с учетом демографических, технологических, миграционных и политико-идеологических факторов, а также сформулировать альтернативные сценарии его развития.

Методологическую основу исследования составляет комплексный системный подход, позволяющий рассматривать русский язык не как изолированный феномен, а как сложный, многоэлементный и динамичный объект, интегрированный в глобальные политические, экономические и социокультурные процессы и находящийся с ними в отношениях взаимовлияния.

Для обеспечения достоверности и верифицируемости выводов, полученных с помощью контент-анализа и сравнительного анализа, в исследовании была реализована четкая процедура отбора и обработки эмпирического материала.

Теоретико-методологическая оптика данного исследования сформирована на стыке нескольких научных традиций. Фундаментальное понимание языка не просто как средства коммуникации, но как носителя ценностей, кода культуры и инструмента формирования идентичности восходит к классическим трудам А. А. Потебни [Потебня, 2015], а в современном контексте развивается в работах Ю. Е. Прохорова [Прохоров, 2004] и И. А. Стернина [Стернин, 2003], рассматривающих язык в неразрывной связи с коммуникативным поведением этноса. Идеи М. Б. Бергельсон [Бергельсон, 2007], заложившие основы

отечественной школы межкультурной коммуникации, позволяют нам анализировать русский язык как посредника в диалоге культур, а концепция С. Г. Тер-Минасовой [Тер-Минасова, 2008] о языке как «зеркале» и «орудии» культуры служит важным обоснованием для изучения его привлекательности за рубежом.

Для анализа внешнеполитического измерения языка мы опираемся на концепцию «мягкой силы» Дж. Ная [Nye, 2004], который определяет её как способность добиваться желаемого на международной арене через привлекательность, а не принуждение. В рамках данной парадигмы русский язык исследуется как один из ключевых нематериальных активов, формирующих привлекательный образ страны. Развивая этот подход применительно к постсоветскому пространству, необходимо обратиться к работам М. М. Лебедевой [Лебедева, 2025], изучающей роль публичной дипломатии.

Собственно социолингвистический и исторический контекст функционирования русского языка раскрывается через труды В. М. Алпатова [Алпатов, 2023], прослеживающего эволюцию его международной роли, и фундаментальные исследования А. Каппелера [Каппелер, 2000] по истории многонациональной Российской империи, необходимые для понимания глубинных причин распространения языка. Работы М. С. Горэма [Gorham, 2014], посвященные языковой культуре и политике в постсоветской России, задают тон в анализе трансформации языковых практик. Критически важными для нашей теоретической рамки стали исследования роли русского языка за пределами национальных границ, представленные в коллективных трудах под редакцией Л. Рязановой-Кларк, а также работы А. Байфорда [Byford, 2012], анализирующего диаспору как фактор международных отношений, и В. Тольца и С. Хардинга [Toltz, 2022], изучающих связь языка с процессами нациестроительства на постсоветском пространстве. Наконец, эмпирическую основу для выводов о региональной динамике языка составили исследования А. Н. Евдокимова с соавторами о положении русского языка в Центральной Азии

[Евдокимова, 2020]. Таким образом, синтез перечисленных подходов позволяет нам рассматривать русский язык как многофакторное явление, интегрированное в геополитические, социокультурные и коммуникативные процессы современного мира.

Источниками для **контент-анализа** послужили три основные группы текстов. Первую группу составили официальные документы международных организаций: стенограммы и резолюции Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН, а также документы, публикуемые секретариатами Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Вторая группа включает медиатексты: транскрипты выпусков новостей и аналитические материалы ведущих российских телеканалов («Первый канал», «Россия 24») и информационных агентств (ТАСС, РИА Новости), а также статьи и репортажи ряда влиятельных зарубежных СМИ (BBC, Reuters), посвященные вопросам российской внешней политики и языковых процессов. Третья группа представлена сетевыми дискурсами — постами и комментариями в наиболее популярных русскоязычных сообществах и каналах в мессенджере Telegram и социальной сети «ВКонтакте», фокусирующихся на тематике международных отношений, миграции и культуры. Отбор конкретных единиц анализа внутри каждого массива проводился по заданным критериям: 1) релевантность (обязательное присутствие в тексте концептов «русский язык», «мягкая сила», «языковая политика», «интеграция» или их синонимов); 2) репрезентативность (отражение различных, в том числе конфликтующих, точек зрения для обеспечения объёмности картины); 3) авторитетность источника (официальный статус документа, высокий рейтинг или охват аудитории у медиа и сетевых ресурсов).

Сравнительный анализ потенциала русского языка как инструмента влияния проводился на основе сопоставления с другими мировыми языками (английским, китайским, французским, испанским). Источниками сравнительных данных

выступили: международные рейтинги, ежегодные публичные отчёты организаций, занимающихся продвижением языков и культуры, а также агрегированная лингво-демографическая статистика из авторитетных баз данных. Сравнение осуществлялось по ключевым параметрам: объём государственного и частного финансирования программ продвижения, количество обучающихся за рубежом, институциональное присутствие в международных организациях, доля в мировом интернет-контенте и научных публикациях.

В работе также применяются историко-генетический метод для реконструкции и периодизации этапов формирования международного статуса языка; сравнительный анализ для сопоставления позиций, стратегий продвижения и ресурсной базы русского языка с другими глобальными языками (английским, китайским, французским, испанским); контент-анализ современных медийных и экспертных курсов, связанных с языковой политикой и публичной дипломатией.

Исторические предпосылки становления русского языка как международного: от имперского периода к советской сверхдержаве

Межкультурная коммуникация вызвана к жизни практическими потребностями послевоенного мира, подкреплявшимися идеологически тем интересом, который с начала XX в. формировался в интеллектуальной среде и в общественном сознании в целом по отношению к так называемым «экзотическим» культурам и языкам [Бергельсон, 2005: 56]. Как отмечает А. А. Потеня, «назвать язык организмом или органическим отправление значит не сказать о нем ничего» [Потеня, 2025: 16].

Зарождение международных и надэтнических функций русского языка можно отнести к периоду становления и расширения Российской Империи. В частности, процесс интеграции огромных территорий Восточной Европы, Сибири, Кавказа, Средней Азии и Дальнего Востока в единое государственное пространство объективно требовал унифицированного языка

управления, судопроизводства, армии и торговли, и эту роль взял на себя русский язык, который последовательно внедрялся в элитные слои местного населения, становясь не только языком социального лифта и приобщения к имперскому центру, но и инструментом русификации на отдельных этапах имперской политики [Прохоров, Стернин, 2006: 59]. Как отмечает А. Каппелер, русская администрация и русская армейская элита занимали теперь ведущие позиции во всех окраинных регионах, за исключением Финляндии. Русский язык, русская культура и православие усиленно использовались как инструмент гомогенизации империи [Каппелер, 2000: 236]. Параллельно с административной функцией, золотой и серебряный века русской литературы и искусства (XIX – начало XX вв.), подарившие миру гениев уровня Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова, а затем — Чайковского, Стравинского, Дягилева, совершили мощный прорыв в культурном пространстве Европы и мира [Алпатов, 2023: 19]. В результате русский язык стал восприниматься образованными кругами Российской империи не только как инструмент имперской политики, но и как проводник к одному из величайших культурных и духовных достояний человечества, что заложило прочные вневременные основы его будущей «мягкой силы». Важную роль в этом процессе сыграла деятельность Российского Императорского географического общества, научные экспедиции, публикации на русском языке, которые способствовали формированию образа России как крупной научной державы [Алпатов, 2023: 19].

Качественно новый, институциональный этап в интернационализации русского языка наступил после Октябрьской революции 1917 г. и особенно после Второй мировой войны, в эпоху биполярного мира. Сформировавшись как ядерная сверхдержава и бесспорный идеологический центр мирового социалистического лагеря, СССР целенаправленно и планомерно использовал язык как мощный инструмент своей внешней политики и идеологической экспансии [Byford, 2012: 720]. Важную роль сыграло присвоение

русскому языку статуса одного из официальных и рабочих языков Организации Объединенных Наций в 1945 г., что стало ключевым юридическим актом, закрепившим его положение в системе международных отношений и международного права [Gorham, 2014: 118]. Внутри социалистического содружества (страны Восточной Европы, Куба, Вьетнам, Северная Корея, Монголия) он стал обязательным, зачастую принудительным элементом школьных и университетских программ, языком межпартийного общения, военного сотрудничества в рамках Организации Варшавского Договора и работы Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ).

Масштабная поддержка национально-освободительных движений, антиколониальной борьбы и дружественных режимов в странах Азии, Африки и Латинской Америки сопровождалась созданием разветвлённой инфраструктуры для продвижения языка: открывались кафедры русистики и советологии в университетах, учреждались государственные стипендии для обучения в советских вузах (например, создание Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы в 1960 г. стало знаковым событием, так как ВУЗ использовался для обучения тысяч жителей Африки и Азии), осуществлялись массовые переводы советской литературы, научной и технической документации, кинопродукции. Глобальное радиовещание на русском языке (например, радио «Москва», «Маяк») и иновещание на иностранных языках, но с пропагандой советских достижений, охватывало весь земной шар [Алпатов, 2023: 17]. В этот период русский язык стал символом не только коммунистической идеологии, но и модернизации, научно-технического прогресса (в частности, ассоциируясь с космической программой и полетом Гагарина), и альтернативного капитализму пути развития, что придавало ему огромную привлекательность для левых интеллектуалов, научной и творческой элиты, и молодёжи по всему миру.

Однако распад СССР в 1991 г. стал подлинным шоком и вызвал глубокий системный кризис позиций русского языка в мире.

Новые независимые государства, стремясь к скорейшей консолидации собственной суверенной национальной идентичности, проводили зачастую жёсткую и стремительную политику, направленную на вытеснение русского языка из публичной сферы, системы государственного управления, образования, науки и официального делопроизводства [Kappeler, 2014: 318–330]. Наиболее радикально и последовательно этот процесс проходил в странах Балтии, Грузии, а позднее — на Украине, где такой курс был тесно связан с курсом на евроатлантическую интеграцию и кардинальный разрыв с советским прошлым [Алпатов, 2023: 21]. Сфера использования языка резко сузилась, государственное финансирование программ его поддержки за рубежом было катастрофически сокращено, а его образ в мировом восприятии потерял былую идеологическую и модернизационную привлекательность, ассоциируясь теперь с экономическим кризисом, политической нестабильностью и криминализацией 1990-х гг.

Однако вопреки пессимистичным прогнозам полного коллапса и маргинализации русского языка не произошло, так как сработали факторы инерции, демографический фактор (миллионы этнических русских и русскоязычных остались за пределами России), устойчивые экономические, семейные и культурные связи, а также прагматическое понимание политическими и бизнес-элитами новых государств объективных выгод от владения языком крупнейшего регионального партнёра. Сохранение языка и идентичности зависит от возможностей и вознаграждений, реальных или символических (включая позитивную социальную идентичность), которые конкурирующие группы могут предоставить своим членам [The Russian Language..., 2014:168]. Таким образом, русский язык, хоть и в усечённом виде, сохранил значительные, а в некоторых аспектах ключевые позиции. Важно отметить, что основной ареал его устойчивого влияния сместился в сторону Содружества Независимых Государств (СНГ), где он де-факто, а в некоторых случаях и де-юре (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан), сохранил

роль языка межнационального общения, став важным элементом постсоветской транснациональной социальности.

Современные функции русского языка в международных отношениях: многомерность, трансформация и адаптация

В условиях XXI в. русский язык продолжает выполнять широкий и диверсифицированный спектр функций в международных отношениях, однако их содержание, иерархия, географическая привязка и социальный контекст существенно трансформировались, требуя более детальной классификации.

В первую очередь следует отметить дипломатическую и правовую функцию, так как русский язык сохраняет формальный статус одного из шести официальных и рабочих языков ООН, что гарантирует его обязательное использование во всех основных органах и специализированных учреждениях организации, включая Генеральную Ассамблею, Совет Безопасности, ЭКОСОС и многие другие. В частности, это подразумевает под собой предоставление синхронного перевода всех выступлений, подготовку, публикацию и правовую силу официальных документов, резолюций и отчётов на русском языке. Аналогичный высокий статус он имеет в ЮНЕСКО, МАГАТЭ, Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и других структурах системы ООН [Лебедева, 2015: 49]. На региональном уровне русский язык является официальным и/или рабочим языком таких влиятельных структур, как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и СНГ, что делает русский язык незаменимым инструментом для разработки многосторонних международно-правовых норм, ведения сложных многосторонних переговоров, дипломатической переписки и функционирования международного чиновничества [Лебедева, 2015: 49]. Кроме того, владение русским языком в оригинале предоставляет дипломатам, международным чиновникам и экспертам прямой

доступ к первоисточникам, позволяя избежать смысловых потерь и интерпретационных искажений при переводе; что в свою очередь помогает тоньше чувствовать смысловые нюансы, подтексты и невербальные сигналы, формулируемые российскими представителями.

Также выделяется экономико-коммуникативная и миграционная функция, которая предполагает, что в сфере экономики и трансграничного перемещения людей русский язык остаётся ключевым, а зачастую и безальтернативным инструментом делового взаимодействия на пространстве СНГ и ЕАЭС. В частности, он доминирует при заключении крупных контрактов, ведении коммерческих переговоров, стандартизации и сертификации продукции, работе транснациональных корпораций, действующих в регионе, а также в сфере логистики и транспорта. Особую и возрастающую значимость он приобретает в контексте масштабной трудовой миграции: ежегодно миллионы граждан Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Молдовы, Украины и Армении используют русский язык в качестве основного инструмента для трудоустройства, социальной и культурной адаптации в России, Казахстане и Беларуси, что позволяет говорить о русском языке не просто как о лингвистическом феномене, а как о важнейшем факторе социально-экономической стабильности, являясь языком источника денежных переводов для экономик стран-доноров, смягчающих социальную напряжённость [Latin, 1998: 290]. Таким образом, русский язык трансформируется в сугубо практический, утилитарный и жизненно необходимый ресурс экономического выживания и развития для значительной части населения постсоветского пространства, что придаёт ему особую устойчивость вне зависимости от политических колебаний.

Русский язык обладает также культурно-гуманитарной и образовательной функцией: культурный капитал, накопленный русским языком за столетия, остаётся одним из его самых мощных и долгосрочных активов. Глубокий и непреходящий интерес к русской классической литературе, музыке, балету, театру и изобразительному

искусству продолжает мотивировать его изучение в интеллектуальных и творческих кругах Европы, США, Азии и Латинской Америки. Однако современный российский культурный экспорт (кинематограф, популярная музыка, телесериалы, видеоигры) сталкивается с жёсткой глобальной конкуренцией и пока не демонстрирует системного и сопоставимого с советской эпохой влияния, хотя отдельные точечные успешные проекты свидетельствуют о сохраняющемся творческом потенциале и способности находить отклик у международной аудитории [Савченко, Устинкин, 2020: 288].

В образовательной и научной сфере наблюдается двойственная и противоречивая тенденция. С одной стороны, некоторые данные показывают, что число изучающих русский язык как иностранный в мире в целом (за исключением некоторых стран) сократилось по сравнению с советским периодом, а его преподавание в школах Восточной Европы сворачивается. С другой стороны, он сохраняет прочные, а в некоторых случаях и укрепляющиеся позиции в качестве языка образования и науки в ряде стран и регионов. В Сербии, Болгарии, Словакии, Черногории он сохраняет популярность благодаря глубоким историческим, культурным и религиозным связям. Во Вьетнаме, Китае, Монголии и на Кубе он остаётся востребованным в силу традиционных партнёрских отношений и прагматических соображений, связанных с сотрудничеством в энергетической, военно-технической и научной сферах [Федотова, 2017: 53]. В то же время российские университеты, несмотря на растущую глобальную конкуренцию на рынке образовательных услуг и политическую напряжённость, продолжают привлекать десятки тысяч иностранных студентов, для которых обучение на русском языке становится трамплином для карьеры как в самой России, так и в странах СНГ, а также в международных компаниях, работающих на евразийском пространстве.

Государственная программа «Развитие образования», нацпроект «Образование» и активная деятельность Россотрудничества и фонда «Русский мир» по поддержке преподавания русского языка за рубежом, организации олимпиад и курсов повышения квалификации для преподавателей-русистов направлены на стабилизацию и укрепление этой функции [Савченко, Устинкин, 2020: 290].

Интернет и социальные сети формируют принципиально новую, динамичную и глобально распределённую среду функционирования и эволюции русского языка, значение которой выходит далеко за рамки простого информационного канала. Количественные параметры этого пространства впечатляют: согласно официальным данным, ежемесячная аудитория Рунета, активно потребляющая контент на русском языке, составляет 103 миллиона пользователей, из которых существенная часть находится за пределами России — в странах СНГ, Балтии и в глобальной диаспоре. Общая аудитория интернета в России в октябре 2025 г. составила 105 млн человек, что соответствует 86% населения страны. Среднее время, которое россияне проводят в интернете в день, составляет 4 часа 21 минуту. Основную часть интернет-активности занимают соцмедиа, на которые приходится 51% всего времени в сети. Охват соцмедиа среди интернет-пользователей составляет 85% в месяц. Среди наиболее популярных площадок лидируют «ВКонтакте» (25% времени в соцмедиа), Telegram (22%), TikTok (22%) и YouTube (15%)¹.

Качественный анализ позволяет выявить многогранную роль цифровой среды. С одной стороны, она выполняет критически важную консолидирующую функцию, поддерживая единое лингвокультурное поле для транснационального русскоязычного сообщества. Цифровые платформы обеспечивают непрерывную коммуникацию, мгновенный доступ к новостям, культурным продуктам (от классической

¹ Интернет в России охватывает 86% населения // Adindex. 2025. 18 ноя. URL: <https://adindex.ru/publication/analytics/search/2025/11/18/339241.phtml>

литературы до современного кино и музыки), а также к образовательным ресурсам. Такие просветительские проекты, как «Арзамас», «ПостНаука» или онлайн-курсы ведущих российских вузов, находят многомиллионную аудиторию, способствуя не только сохранению, но и развитию языка в интеллектуальной сфере. С другой стороны, цифровая среда порождает комплекс серьёзных вызовов. Существует перманентный риск технологической и информационной автономизации («суверенизации») Рунета в условиях геополитической конфронтации и санкционных ограничений, что может привести к его отрыву от магистральных трендов глобального технологического развития и, как следствие, к маргинализации русского языка как инструмента международного диалога. Более того, имманентные свойства сетевой коммуникации — скорость, клиповость, ориентация на вовлечённость и виральность — активно способствуют формированию новых языковых практик, гибридизации форм, расцвету интернет-сленга и мемов, что оказывает давление на традиционные литературные нормы и стилистическое разнообразие. Отдельным феноменом является формирование упрощённых форм русского языка в онлайн-сообществах трудовых мигрантов, что представляет собой предмет изучения современной социолингвистики и может иметь долгосрочные последствия для вариативности и социального восприятия языка. Таким образом, интернет выступает не просто средой распространения, но и мощным агентом трансформации русского языка, ареной, где решаются вопросы его будущей жизнеспособности и адаптивности.

Не менее важны данные, характеризующие экономико-коммуникативную и миграционную роль языка. Результаты репрезентативных социологических исследований, проводимых ВЦИОМ и профильными академическими центрами, последовательно свидетельствуют, что для подавляющего большинства трудовых мигрантов из Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана и Молдовы владение русским языком носит не факультативный,

а императивный характер. Для 76–80% опрошенных мигрантов русский язык является ключевым, а зачастую и безальтернативным условием для успешного трудоустройства, легализации своего правового статуса и минимальной социально-культурной адаптации в принимающем обществе. Важно отметить, что денежные переводы мигрантов, коммуникация которых с работодателями и государственными службами осуществляется преимущественно на русском языке, формируют значительную долю ВВП стран исхода, что превращает язык в непосредственный фактор макроэкономической стабильности. Таким образом, статистика и данные опросов недвусмысленно подтверждают тезис о трансформации русского языка в прагматический ресурс экономического выживания и основной инструмент социальной мобильности для миллионов людей на постсоветском пространстве.

Геополитическое измерение русского языка: интеграция, суверенизация и «Русский мир» в условиях конфронтации

Функционирование и восприятие русского языка в мире неразрывно и диалектически переплетено с макрополитическими процессами, выступая одновременно их чутким индикатором, инструментом и полем битвы.

Статус и повседневная практика использования русского языка являются одним из наиболее чувствительных и точных маркеров внешнеполитической ориентации и внутривнутриполитического развития стран СНГ. В Беларуси, Казахстане и Кыргызстане русский язык наделён официальным статусом наряду с государственным, что является не только отражением, но и активным катализатором теснейшей экономической, военно-политической, гуманитарной и интеграционной повестки с Россией в рамках Союзного государства, ЕАЭС и ОДКБ [Арутюнова, 2012: 165]. В этих странах он продолжает доминировать в сфере государственного управления, высшего образования, науки, национальных медиасистем и городского пространства.

Напротив, на Украине, в Грузии и странах Балтии последовательная и зачастую жёсткая политика дерусификации и утверждения титульных языков была главной составляющей курса на построение «суверенного национального государства» и осуществление кардинального разрыва с советским прошлым. Целенаправленное незаконное ограничение, а в некоторых случаях и полное насильственное вытеснение использования русского языка из системы среднего и высшего образования, официального делопроизводства, судопроизводства, СМИ и публичного пространства в этих странах носит не только символический, но и сугубо политический, даже мобилизационный характер, воспринимаемая как акт независимости и окончательного дистанцирования от Москвы [Лукиянова, 2023: 204]. Такие меры в свою очередь вызывают очевидно резко негативную реакцию со стороны официальной России, которая рассматривает их как дискриминацию и ущемление законных прав русскоязычного населения, используя языковой вопрос как мощный инструмент информационного давления, легитимации своих действий и дестабилизации ситуации в двусторонних отношениях. Вооружённый конфликт на Украине, начавшийся в 2014 г. и перешедший в полномасштабную стадию в 2022 г., довёл эту логику до апогея, сделав язык одним из символов и инструментов ведения информационной войны.

Глобальная конкуренция с другими мировыми языками в условиях меняющегося международного порядка

В глобальном масштабе русский язык сталкивается с беспрецедентной и усиливающейся конкуренцией. Английский язык не просто утвердился, а институционально закрепился в качестве бесспорного глобального лингва франка в науке, высшем образовании, авиации, международном бизнесе, дипломатии, IT-индустрии и интернет-коммуникации [Лукиянова, 2023: 206]. Одновременно наблюдается стремительный, подкреплённый огромными

финансовыми и политическими ресурсами, рост глобального влияния китайского языка (путунхуа), поддерживаемый экономической мощью КНР, масштабной международной экспансией китайских компаний и созданием сотен филиалов Института Конфуция по всему миру. Испанский, французский, арабский, а в перспективе и хинди языки также имеют обширные ареалы распространения, мощную институциональную поддержку и демографический потенциал. В этой ожесточённой конкурентной борьбе за умы и коммуникативные пространства русский язык, за неимением сопоставимых экономических, демографических и технологических ресурсов, а также в силу политической изоляции, вынужден занимать всё более узкие нишевые позиции, фокусируясь на региональной евразийской повестке и определённых целевых аудиториях (диаспоры, эксперты по региону, трудовые мигранты).

Русский язык как ресурс «мягкой силы»: потенциал, парадоксы и системные ограничения

Концепция «мягкой силы», подразумевающая способность добиваться желаемых результатов на международной арене через привлекательность, симпатию и убеждение, а не через принуждение или платежи, непосредственно применима к анализу глобального статуса и влияния русского языка [Най, 2006: 119].

Основу и ядро «мягкой силы» русского языка составляет его беспрецедентный общепризнанный культурный багаж. Авторитет и непреходящая ценность русской классической литературы, музыки, балета, театра и изобразительного искусства остаётся незыблемым и продолжает вызывать искреннее уважение, интерес и восхищение в интеллектуальных и творческих кругах во всём мире. Этот «культурный бренд» является долгосрочным активом, устойчивым к политическим конъюнктурам. Образовательный и научный потенциал, реализуемый через государственные квоты для иностранных студентов, организацию летних школ, олимпиад, курсов повышения

квалификации для преподавателей при представительствах Россотрудничества («Русских домах»), также работает на формирование лояльной пророссийски ориентированной элиты в странах ближнего и дальнего зарубежья. Люди, познакомившиеся с Россией через её язык, культуру и систему образования в позитивном ключе, часто сохраняют к ней симпатию и понимание на всю жизнь, становясь невольными проводниками её интересов².

Анализ текущей динамики и системных факторов позволяет выделить несколько ключевых макротрендов, которые будут определять судьбу и лицо русского языка в обозримом будущем.

В первую очередь следует выделить тенденцию устойчивой и углубляющейся регионализации. Глобальные амбиции русского языка, характерные для советской эпохи, окончательно сменяются более прагматичной, устойчивой и реалистичной моделью регионализации. Его основная и наиболее стабильная сфера влияния всё чётче и необратимее очерчивается границами ЕАЭС, ОДКБ, а также странами с теснейшими экономическими и гуманитарными связями с Россией (Армения, Таджикистан) [Мирганова, 2014: 179]. Здесь он будет сохранять роль основного лингва франка в силу функциональной необходимости, демографической инерции, политической воли элит и отсутствия реальной альтернативы.

Также наблюдается углубляющаяся диверсификация языковых предпочтений и растущая конкуренция. На всём постсоветском пространстве, особенно среди молодого поколения, урбанизированных слоёв населения и бизнес-элит, неуклонно растёт популярность и прагматическая ценность английского, а в Центральной Азии — ещё и китайского языков, что связано с сугубо прагматическими соображениями глобальной и региональной мобильности: английский открывает доступ к глобальной экономике, науке, культуре и высшему образованию, а китайский —

к инвестициям, рынкам и политическому влиянию Поднебесной. Страны Центральной Азии проводят многовекторную внешнюю политику, что неминуемо отражается и на языковой политике, ведущей к относительному снижению монополии русского языка и формированию многоязычной гибридной идентичности [Лебедева, 2015: 52].

Цифровая трансформация и её фундаментальные дилеммы предполагают, что Интернет и цифровые технологии остаются ключевой средой эволюции, функционирования и распространения русского языка. С одной стороны, они позволяют поддерживать единое языковое и коммуникативное пространство для глобальной диаспоры, создавать транснациональные сетевые сообщества по интересам, оперативно распространять любой контент и развивать дистанционное образование. С другой стороны, нарастает риск формирования «цифрового гетто» или «суверенного Рунета», который будет развиваться изолированно от глобальных технологических трендов и коммуникативных потоков в силу политики цифрового суверенитета, импортозамещения, санкционных ограничений и цензуры. Будущее языка в цифровую эпоху будет напрямую зависеть от его способности адаптироваться к новым реалиям, в частности, к стремительному развитию технологий искусственного интеллекта, машинного перевода, Big data и виртуальных сред, где безраздельно доминирует английский язык и западные технологические платформы [Евдокимова, Давыдова, Савкин, 2020: 377].

Нельзя игнорировать демографию и миграцию: новые вызовы для языковых стандартов и идентичности. Демографический спад в самой России и масштабная, часто малоквалифицированная, трудовая миграция из стран Средней Азии создают сложную и противоречивую лингвистическую картину. С одной стороны, мигранты вынуждены в ускоренном режиме учить русский язык для работы и выживания

² Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности "Лингвистика и межкультурная коммуникация". Москва: Слово, 2008. С. 89.

в принимающем обществе. С другой стороны, это массовое, часто стихийное и несистемное освоение языка нередко приводит, как уже отмечалось, к формированию упрощённых пиджинизированных форм языка (т.н. «мигрантский русский»), что может со временем оказать влияние на его литературные нормы, стилистическое разнообразие и восприятие внутри самой России, потенциально ведя к усилению социального расслоения по языковому признаку [Latin, 1998: 183].

На основе выявленных трендов и системного анализа ресурсов и ограничений представляется возможным сформулировать несколько альтернативных сценариев развития глобального русского языка в средне- и долгосрочной перспективе, каждый из которых обусловлен определённой конфигурацией внешних и внутренних факторов.

Согласно первому сценарию, будет происходить консолидация региональной гегемонии. Данный сценарий, представляющийся наиболее вероятным при экстраполяции текущих тенденций, предполагает окончательное закрепление за русским языком роли доминирующего регионального лингва франка в пределах углубляющейся евразийской интеграции. Его основная сфера влияния будет очерчена границами ЕАЭС и ОДКБ, а также распространяться на страны-союзники, такие как Армения и Таджикистан. В этом пространстве язык сохранит безальтернативные позиции в сферах межгосударственного управления, коллективной безопасности, региональной логистики и энергетики. Его устойчивость будет поддерживаться функциональной необходимостью, демографической инерцией русскоязычного населения, политической волей правящих элит и отсутствием сопоставимой по охвату альтернативы.

При втором сценарии ожидается расширение влияния на новых основаниях. Реализация этого сценария возможна при сочетании благоприятных внутренних изменений в России и гибкой внешней политики. Ключевыми условиями являются: успешная технологическая и экономическая модернизация страны,

повышающая её глобальную привлекательность; сохранение открытости и конкурентоспособности русского цифрового пространства. В таком случае можно ожидать не только укрепления региональных позиций, но и экспансии в новых направлениях. Русский язык может получить дополнительный импульс как язык доступа к российским высоким технологиям, качественному и относительно доступному высшему образованию, а также креативным индустриям, что может стимулировать его изучение в странах Азии, Ближнего Востока и Африки, заинтересованных в прагматическом сотрудничестве. Язык может стать мостом не только на постсоветском пространстве, но и в новых конфигурациях многостороннего партнёрства.

Третий сценарий актуализируется в случае углубления негативных трендов: ужесточения геополитической изоляции и санкционного давления на Россию, хронического недофинансирования инфраструктуры поддержки языка, усиления цифровой автаркии и цензуры, продолжения демографического спада. Последствиями могут стать ускоренное вытеснение русского языка из систем образования стран Восточной и Центральной Европы; его дальнейшая маргинализация в мировой науке как языка публикаций; потеря позиций в глобальных цифровых экосистемах. Даже в пределах традиционного ареала может усилиться конкуренция: так, английский язык будет укреплять позиции в элитном бизнес-секторе и высшем образовании стран СНГ, а китайский — активно проникать в сферы, связанные с инвестициями и инфраструктурными проектами в Центральной Азии. Это может привести к сокращению функционального пространства русского языка и его постепенной редукции до инструмента коммуникации преимущественно в сфере низкоквалифицированной трудовой миграции и ностальгического культурного потребления.

Таким образом, будущее русского языка представляет собой не predetermined траекторию, а поле вероятностей, где реализация того или иного сценария напрямую зависит от сложного

взаимодействия политических, экономических, технологических и собственно языковых факторов.

Заключение

Проведённое многоаспектное исследование позволяет заключить, что глобальный русский язык представляет собой сложный, динамичный, внутренне противоречивый и многомерный фактор международных отношений, чья роль, значение и восприятие продолжают активно эволюционировать под влиянием мощных внешних и внутренних вызовов. Пройдя многовековой путь от языка имперской администрации и великой культуры до идеологического инструмента ядерной сверхдержавы, а затем пережив глубокий кризис идентичности и легитимности в 1990-е гг., пройдя через горнило геополитических катаклизмов начала XXI в., он нашёл новую, более прагматичную, утилитарную и в некотором смысле даже устойчивую нишу в усложняющейся полицентричной системе мирового порядка.

Сила и устойчивость современного русского языка заключаются в его прочной институциональной укоренённости в системе ключевых международных организаций; в его незаменимой, во многом безальтернативной роли как языка экономической коммуникации, региональной интеграции и социальной адаптации на обширном евразийском пространстве; а также в его колоссальном, хотя и в значительной степени историческом и классическом, культурном капитале, продолжающем оказывать гипнотическое воздействие на интеллектуалов во всём мире. Его фундаментальные слабости и уязвимости проистекают из его тотальной геополитической перегруженности и инструментализации, связанной с конфронтационной концепцией «Русского

мира»; из хронического недостаточного финансирования и структурной неэффективности программ его продвижения по сравнению с основными глобальными конкурентами; а также из неспособности российского государства и общества предложить конкурентоспособный, привлекательный для глобальной аудитории современный культурный, научный и ценностный продукт.

Таким образом, русский язык в своём глобальном измерении амбивалентен. Он может с равным успехом служить мостом для диалога, экономической кооперации, культурного обмена и межкультурного понимания, а может выступать барьером, линией идеологического разлома, полем ожесточённого информационного, символического и политического противостояния. Его будущее в долгосрочной перспективе будет определяться не столько и не только прямыми административными усилиями по его «продвижению» или «защите», сколько общей траекторией социально-экономического, технологического и политического развития России, способностью российского общества генерировать привлекательные, актуальные и этические корректные для мира смыслы, а также общей конфигурацией глобальной и региональной повестки дня, балансом сил между основными центрами влияния. Наиболее вероятным и реалистичным сценарием на ближайшие десятилетия представляется сохранение им статуса одного из важнейших региональных языков мира, языка-гегемона на пространстве Евразийского союза, с устойчивыми «островами» присутствия в глобальной диаспоре и академической среде, но без иллюзий о возврате к тотальному идеологическому или культурному влиянию времен биполярного мира. Его судьба — это судьба языка крупной региональной державы в эпоху глобальной турбулентности.

Список литературы:

Алпатов В. М. международная роль русского языка // Социолингвистика. — 2023. — Т. 1, № 13. — С. 15–22. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-13-15-22>

Арутюнова М. А. Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. — 2012. — № 1. — С. 155–178.

Бергельсон М. Б. Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики (проспект учебного пособия) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация — 2005. — № 3. — С. 54–68.

Евдокимов А. Н., Давыдова Т. А., Савкин Д. А. Русский язык в Центральной Азии: современное состояние и перспективы // Проблемы постсоветского пространства. — 2020. — Т. 7, № 3. — С. 373–388. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-373-388>

Каппелер А. Россия — многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. — Москва: Прогресс-Традиция, 2000 г. — 344 с.

Лебедева М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // Международные процессы. — 2015. — Т. 13, № 4. — С. 45–56. <https://doi.org/10.17994/IT.2015.13.4.43.3>

Лукьянова И. В. Русский язык в эпоху цифровой трансформации: проблемы и перспективы // Вестник науки. — 2023. — Т. 4, № 4. — С. 198–209.

Мирганова Н. Р. Роль русского языка в постсоветском пространстве // Вестник Педагогического университета. — 2014. — № 3-1. — С. 177–181.

Най Дж. С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. — Новосибирск; Москва: Тренды, 2006. — 221 с.

Потебня А. А. Мысль и язык. Избранные работы. — Москва: Юрайт, 2025. — 238 с.

Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. — Москва: Флинта: Наука, 2006. — 193 с.

Савченко И. А., Устинкин С. В. Языковая политика и лингвистическая безопасность // Власть. — 2020. — Т. 28, № 6. — С. 286–291. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7797>

Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. — Москва: Слово, 2008. — 341 с.

Федотова К. Е. "Мягкая сила" российской культуры - инструмент внешней политики // Обозреватель. — 2017. — № 3. — С. 48–55.

Byford, A. The Russian Diaspora in International Relations: 'Compatriots' in Britain // *Europe-Asia Studies*. — 2012. — Vol. 64, No 4. — P. 715–735. <https://doi.org/10.1080/09668136.2012.660764>

Gorham M. S. *After Newspeak: Language Culture and Politics in Russia from Gorbachev to Putin*. — Ithaca, London: Cornell University Press, 2014. — 234 p.

Latin D. D. *Identity in formation the Russian-speaking populations in the near abroad*. — Ithaca: Cornell University Press, 1998. — xiv, 417 p.

The Russian Language Outside the Nation / L. Ryazanova-Clarke, D. R. Andrews, Aleksandrs Berdicevskis, et al. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. — xii, 304 p. <https://doi.org/10.1515/9780748668465>

References:

Alpatov, V. M. (2023) 'The International Role of the Russian Language', *Sociolingvistika*, 1(13), pp. 15–22. (In Russian). <https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-13-15-22>

Arutyunova, M. A. (2012) 'Language Policy and Status of the Russian Language in the Ussr and Post-Soviet States', *Lomonosov World Politics Journal*, (1), pp. 155–178. (In Russian).

Bergelson M. B. (2005) 'Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: voprosy teorii i praktiki (prospekt uchebnogo posobiya) [Intercultural communication: issues of theory and practice (textbook prospectus)]', *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, (3), pp. 54–68. (In Russian).

Byford, A. (2012) 'The Russian Diaspora in International Relations: "Compatriots" in Britain', *Europe-Asia Studies*, 64(4), pp. 715–735. <https://doi.org/10.1080/09668136.2012.660764>

Evdokimov, A. E., Davydova, T. A. and Savkin, D. A. (2020) 'Russian language in Central Asia: current status and prospects', *Post-Soviet Issues*, 7(3), pp. 373–388. (In Russian). <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-373-388>

- Fedotova, K. E. (2017) 'The Soft Power of Russian Culture as a Tool of Foreign Policy', *Observer*, (3), pp. 48–55. (In Russian).
- Gorham, M. S. (2014) *After Newspeak: Language Culture and Politics in Russia from Gorbachev to Putin*. Ithaca, London: Cornell University Press.
- Kappeler, A. (1997) *Russische Geschichte*. Munchen: Verlag C. H. Beck. (Russ. ed.: (2000) *Rossija — mnogonacional'naja imperija: vozникovenie, istorija, raspad*. Moscow: Progress-Tradicija Publ.).
- Latin, D. D. (1998) *Identity in formation the Russian-speaking populations in the near abroad*. Ithaca: Cornell University Press.
- Lebedeva, M. (2015) 'Public Diplomacy in Conflict Resolution', *International Trends*, 13(4), pp. 45–56. (In Russian). <https://doi.org/10.17994/IT.2015.13.4.43.3>
- Lukyanova, I. V. (2023) 'Russian Language in Era of Digital Transformation: Problems and Prospects', *Science Bulletin*, (4), pp. 198–209. (In Russian).
- Mirganova N. R. (2014) 'The Role of Russian language in Post Soviet Space', *Herald of the Pedagogical University*, (3-1), pp. 177–181. (In Russian).
- Nye, J. S. (2004) *Soft power: the means to success in world politics*. New York: PublicAffairs. (Russ. ed.: (2006) *Gibkaya vlast': kak dobit'sya uspekha v mirovoy politike*. Novosibirsk; Moscow: Trendy Publ.).
- Potebnya, A. A. (2025) *Mysl' i jazyk. Izbrannyye raboty* [Thought and language. Selected works]. Moscow: Yurait Publ. (In Russian).
- Prokhorov, I. E. and Sternin, I. A. (2006) *Russkie: kommunikativnoe povedenie* [Russians: Communicative Behavior]. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian).
- Ryazanova-Clarke, L. (et al) *The Russian Language Outside the Nation*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. <https://doi.org/10.1515/9780748668465>
- Savchenko, I. A. and Ustinkin, S.V. (2020) 'Language Policy and Linguistic Security', *Vlast' (The Authority)*, 28(6), pp. 286–291. (In Russian). <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7797>
- Ter-Minasova, S. G. (2008) *Vojna i mir jazykov i kul'tur: voprosy teorii i praktiki mezhjazykovoj i mezkul'turnoj kommunikacii* [War and Peace of Languages and Cultures: Theory and Practice of Interlingual and Intercultural Communication]. Moscow: Slovo Publ. (In Russian).

Информация об авторах

Семед Абакаевич Семедов — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой международного сотрудничества и управления, Факультет международных отношений и бизнеса, Институт управления, РАНХиГС при Президенте РФ, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д.82, стр.1 (Россия)

Алсу Ровшановна Акберова — ведущий специалист кафедры международного сотрудничества и управления, Факультет международных отношений и бизнеса, Института управления, РАНХиГС при Президенте РФ, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д.82, стр.1 (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Semed A. Semedov — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of International Cooperation and Management, Faculty of International Relations and Business, Institute of Management, RANEPa under the President of the Russian Federation, 82/1, Vernadskogo avenue, Moscow, 119571(Russia)

Alsu R. Akberova — Leading Specialist of the Department of International Cooperation and Management, Faculty of International Relations and Business, Institute of Management, RANEPa under the President of the Russian Federation, , 82/1, Vernadskogo avenue, Moscow, 119571(Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 14.12.2025; одобрена после рецензирования 19.01.2026; принята к публикации 06.03.2026.

The article was submitted 14.12.2025; approved after reviewing 19.01.2026; accepted for publication 06.03.2026.